

Алексей Ивин

**Оноре
де Бальзак.
Человеческая
комедия**

Алексей Ивин

**Оноре де Бальзак.
Человеческая комедия**

«Издательские решения»

Ивин А.

Оноре де Бальзак. Человеческая комедия / А. Ивин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742488-6

Работа «Оноре де Бальзак. Человеческая комедия» была написана в 1997 году, к 200-летию со дня рождения французского классика. Но в те годы автору не удалось ее опубликовать. Главы из книги печатались в газете «Литература» (приложение к педагогической газете «1 сентября»).

ISBN 978-5-44-742488-6

© Ивин А.
© Издательские решения

Содержание

Оноре де Бальзак. Человеческая комедия	6
Краткий сравнительно-исторический очерк общественно-политической обстановки во Франции в 1789—1850 годах	7
Краткий очерк биографии Оноре де Бальзака	10
Ранние произведения	15
Предисловие к «Человеческой комедии», «Дом кошки, играющей в мяч», «Вендетта», «Побочная семья», «Покинутая женщина»	16
«Провинциальная муза»	21
«Беатриса»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Оноре де Бальзак. Человеческая комедия

Алексей Ивин

© Алексей Ивин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Книга «Оноре де Бальзак. „Человеческая комедия“» была написана в 1997 году, к 200-летию со дня рождения Бальзака. Однако, как и всё, мною написанное, спроса не нашло. У нас ведь повсюду «специалисты». Оказались они и в ИМЛИ: директор ИМЛИ РАН Ф. Ф. Кузнецов (распорядился осуществить компьютерный набор) и специалист по французской литературе, «бальзаковед» Т. Балашова (написала отрицательную рецензию). Их издательство «Наследие», конечно же, не для м. н. с. Ивина. «Какая у вас ученая степень?»

Книгу также отвергли:

Г. М. Степаненко, гл. редактор издательства МГУ («мы же не заказывали!»),

З. М. Каримова, изд. «Знание»,

В. А. Мильчина, изд. «Знание»,

В. П. Журавлев, изд. «Просвещение»,

Л. Н. Лысова, изд. «Школа-Пресс»,

И. К. Хуземи, «Лит. Газета»,

М. А. Долинская, изд. «Знание» (не продать!),

С. И. Шанина, ИМА-Пресс,

Л. М. Шарапкова, ВОПЛИ,

А. В. Дорошев, Ладомир,

И. В. Козлова, «Школа-Пресс»,

И. О. Шайтанов, РГГУ,

Н. А. Шемякина, департамент образования Москвы,

А. Б. Куделин, ИМЛИ,

А. А. Аншукова, изд. «Академический проект» (мы Гачева издаем, а вы кто?),

О. Б. Константинова-Вайнштейн, РГГУ,

Е. П. Шумилова, РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет),
выписка из протокола заседания №6 от 10 апреля 1997 г.

Т. Х. Глушкова, изд. «Дрофа» (сопроводила отказ увещеваниями),

Ю. А. Орлицкий, РГГУ,

Е. С. Абелюк, МИРОС (институт развития образовательных систем),

к. ф. н. О. В. Смолицкая, МИРОС (обе большие «специалистки», а сколько спеси!),

Я. И. Гройсман, нижегородское изд. «Деком»,

С. И. Сильванович, изд. «Форум».

Самый последний по времени отказ – Н. В. Юдина, проректор по научной работе ВлГГУ (Владимирского государственного гуманитарного университета). Ждал три часа и уехал не принятый: начальство! Зачем ей Бальзак? Звонил через месяц – может, прочла дискету? Нет, нужно рецензировать у «специалистов». У их специалистов, из ВлГГУ. «А какая у вас ученая степень?» Со мной говорить не захотела: д. ф. н.! Доктор, понимаете? – доктор филологии, а вы кто? Вы и словом-то не владеете. Вот если заплатите – издадим. «Пускай Бальзак платит», – подумал я и вышел с этим в Интернет. – А. Ивин.

Оноре де Бальзак. Человеческая комедия

Настоящее исследование жизни и творчества классика французского реализма Оноре де Бальзака предпринято впервые после длительного перерыва. В нем дана краткая характеристика общественно-политической ситуации во Франции 1800—1850 годов и краткий очерк жизни Бальзака. Рассмотрен начальный период его творчества. Главное внимание уделено анализу идей и персонажей «Человеческой комедии», в которую писатель собрал более восьмидесяти своих произведений, написанных в разные годы. По причине небольшого объема за пределами исследования были оставлены драматургия, публицистика и эпистолярное наследие. Творчество Бальзака в необходимых случаях сопоставлено с другими именами современной ему французской, английской, немецкой и русской литературы. Монографию можно рассматривать как учебное пособие для учащихся старших классов общеобразовательных школ и студентов гуманитарных факультетов вузов. Написана к 200-летию со дня рождения писателя, которое отмечалось в 1999 году.

Краткий сравнительно-исторический очерк общественно-политической обстановки во Франции в 1789—1850 годах

Появление значительных фигур как в сфере политики, так и в области искусства предопределяется во многом общественной ситуацией в стране. Создатель «Человеческой комедии» – комедии нравов в городе, провинции и селе – не мог появиться раньше, чем эти нравы расцвели и утвердились в буржуазной Франции XIX века.

В нашем исследовании будут то и дело возникать естественные параллели между творчеством Оноре де Бальзака (1799—1850) и творчеством виднейших русских реалистов XIX века. Но с точки зрения геополитической состояние России в XIX веке и состояние Франции были отнюдь не равнозначными. Проще говоря, такой, какой Франция была в 1789 году, Россия стала лишь в 1905. Имеется в виду и уровень производительных сил страны, и степень революционного брожения масс, и общая готовность к кардинальным переменам. В этой связи Великая Октябрьская революция представляется пролонгированной во времени и развернутой на более обширном пространстве Великой Французской буржуазной революцией. В известном смысле революция 1789 года, свержение монархии Людовика XVI, якобинская диктатура, борьба революционной Франции против интервенции Англии, Австрии и Пруссии, а затем и наполеоновские походы – все это явилось для Европы таким же катализатором общественных процессов, каким явилось в сходной ситуации для обширного пространства России революция 1905 года, свержение монархии Николая II, диктатура пролетариата, борьба революционной России против интервентов Антанты, а затем и гражданская война. Сходство революционных задач и революционных методов, а также исторических фигур подчас просто поразительно.

Достаточно напомнить основные вехи истории Франции тех лет – и это утверждение, кажущееся спорным в социально-историческом контексте, примет более приемлемые формы.

Двор короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты не в состоянии удовлетворить требования буржуа и простонародья: приходится расстаться с некоторыми властными полномочиями. 5 мая 1789 года собираются Генеральные штаты, которые 17 июня депутатами третьего сословия преобразовываются в Национальное собрание. Неограниченная монархия становится конституционной, что в случае России примерно соответствует 1905 году. Штурм Бастилии 14 июля 1789 года существенно не меняет ситуацию. Буржуазия, составив «Декларацию прав человека и гражданина», то есть Конституцию, пришла к власти, урезав права короля. Но народ требует крови. Стягивание войск и попытки бегства короля Людовика только раззадоривают голодный народ. 10 августа 1792 года он штурмом берет королевский дворец. Ясно, что «постепеновцы» и реформаторы вынуждены спасаться бегством. Якобинцы и жирондисты создают революционный Конвент, который спешит удовлетворить самые насущные требования народа (раздел земли, отмена дворянских и даже буржуазных привилегий, казнь короля), там более что к Парижу стягиваются силы интервентов и контрреволюционеров. В этой ситуации Комитет общественного спасения во главе с Робеспьером, как впоследствии ВЧК во главе с Держинским, разворачивают террор в отношении низвергнутых сословий. Образуются якобинские клубы и его отделения, революционные комитеты и трибуналы, органы местного самоуправления (нечто вроде комбедов). Отличие «пролетарской» революции 1917 года от «буржуазной» революции (английской, французской и прочих) советскими историками в известном смысле высосано из пальца. Якобинская диктатура имела все черты диктатуры пролетариата. Оказалось, что у революций гораздо больше сходства в совершенно иных плоскостях, чем классовые.

Итак, революция побеждает. Но ее плодами пользуются реставраторы империй, которые создают себе культ личности из энтузиазма освобожденных масс. К тому времени, к 1799 году, молодой революционный генерал Бонапарт уже совершил свой итальянский поход и, погрузившись на суда, двинул войска в Египет и Сирию: энтузиазму молодой Франции следовало дать выход. Отец Наполеона Бонапарта, по образованию адвокат, судя по всему, дал сыну хорошее представление об опасностях и личных правах. Потеряв весь флот в битве при Абукире, Наполеон вернулся в Париж как раз в тот момент, когда буржуазное правительство зашаталось. И не в последнюю очередь оттого, что под самым носом республики победоносно действовал полководец Суворов. Наполеон понял, что необходимо свергнуть термидорианское правительство, которое всего лишь несколько лет назад свергло якобинцев. В ноябре 1799 года (18 брюмера VIII года республики, в год рождения Бальзака), Наполеон, использовав преданных ему гвардейцев, арестовал правительство и установил военную диктатуру (Консулат). Последовавшее затем двадцатилетие проходит под знаком завоевательных походов.

Морских успехов у Наполеона и его генералов не было, потому что морями правила Британия, но в результате этих походов был произведен новый раздел всей Европы. В 1804 году было закончено составление «Гражданского кодекса», в котором оговаривались новые земельные и имущественные права. К 1807 году Наполеон разбил Пруссию и Россию, заключив Тильзитский мир, а также Священную Римскую империю. Гете и Гофман отмечают, с каким энтузиазмом принимали наполеоновских солдат в немецких городах. Поход в Испанию спровоцировал там гражданскую войну. Европа, за исключением Турецкой империи и Великобритании, была, в сущности, завоевана, и Наполеон стал готовиться к походу на Россию (вместо Индии, как планировал прежде).

Последующие события – поражение под Москвой и на Березине, поражение под Лейпцигом в 1813 г. и после «Ста дней» – под Ватерлоо в 1815 г. – всем известны. Арестованный император отправился на остров Св. Елены, где и умер в 1821 году. Людовика XVIII, брата казненного короля, сменил в 1830 году Луи-Филипп Орлеанский, родственник Бурбонов, а его в 1848 – Наполеон III, племянник императора. Так что борьба на протяжении всех тех лет шла между законными представителями монархии и узурпаторами в лице «корсиканского чудовища» и его родни. Однако за исключением переворота 1815 года, осуществленного с помощью казаков, последующие революции осуществлялись ремесленниками, мелкими буржуа, рабочими, парижской чернью и всякий раз сопровождалась обильной кровью, баррикадами, расстрелами и вместе с тем уступками в области закона, расширением прав и свобод.

Понятно, что после таких потрясений от феодальных привилегий, которыми располагало дворянство и духовенство, осталось немного. Ни орлеанисты, ни бонапартисты уже не могли сопротивляться власти богатых буржуа («бурж», «бург» – город, предместье). Бальзак был и остался легитимистом, то есть сторонником власти законного короля, но по происхождению он был буржуа и вынужден был все эти пятьдесят лет, как и вся французская буржуазия, добывать себе жизненные блага с боем. Герои его произведений испытывают к аристократам, с одной стороны, жгучее презрение, а с другой – жгучую зависть. Его персонажи-аристократы, подобно мечтателю Анри де Сен-Симону, могли ходить по миру с протянутой рукой и жить на содержании верного слуги, но все равно они были законодателями, в то время как буржуа, пусть и с набитой деньгами кошелем, постоянно не хватало прав. Благодаря тому, что французское общество, в результате революций и войн, было к началу литературной деятельности Бальзака сильно перемешано, ему оставалось только вести свою социальную бухгалтерию разных общественных слоев: «золотой молодежи», рабочих, ремесленников, великосветских дам, банкиров, торговцев, адвокатов, врачей, моряков, куртизанок, гризеток и лореток, землепаш-

цев, ростовщиков, актрис, литераторов и т. д. Всех, от императора до последнего нищего. Все эти типы и были им запечатлены в высокохудожественных образах на страницах бессмертной «Человеческой комедии» (1834—1850).

Краткий очерк биографии Оноре де Бальзака

О жизни и творчестве Оноре де Бальзака написано много прекрасных книг, как отечественных, так и переводных, наполненных богатым фактическим материалом. Поэтому в нашем биографическом очерке мы ограничимся самыми краткими и общими сведениями, которые в дальнейшем могли бы пригодиться при более подробном анализе произведений «Человеческой комедии».

Оноре де Бальзак родился 20 мая 1799 года (I прериаля VII года Республики) в 11 часов утра во французском городе Туре на улице Итальянской армии в доме №25. Его отец Бернар-Франсуа Бальзак (1746—1829), сын крестьянина, по должности заведующий поставкой продовольствия 22 дивизии, впоследствии второй помощник мэра, был на 32 года старше своей супруги Анны-Шарлотты Лауры, урожденной Саламбье (1778—1853), дочери торговца сукном в Париже. Сразу же по рождении мальчик был отдан на воспитание кормилице в селение Сен-Сир-сюр-Луар, где и находился до 1803 года. Годом позже, в 1800, 29 сентября родилась младшая и горячо любимая сестра Бальзака – Лаура, в замужестве Сюрвиль (1800—1871), а через несколько лет младший брат Анри. В последнем случае молва оспаривала отцовство Бернара-Франсуа, но для матери Анри был любимцем.

В семействе Бальзаков (фамилия производилась от простонародной Balsa) все были или становились со временем немного писателями; отец публиковал брошюры по частным проблемам своего провиантского дела, мать вела обширную переписку с детьми, сестра Лаура в 1856 году опубликовала первую биографию знаменитого брата: так что способности Оноре были в известном смысле predetermined генетически.

В апреле 1803 г. его отдают в пансион Легэ в Туре, где он пробыл до 1807 г. В 1807 г. Бальзака помещают в Вандомский коллеж монахов-ораторианцев, закрытое учебное заведение, где он почти не видел родителей, в коллеже мать посещала его дважды в год, на расходы была выделена мизерная сумма в 3 франка. Сонный, толстый и ленивый мальчик предавался мечтам и плохо учился.

Впоследствии Оноре не мог простить матери этой своей изначальной оставленности, которая и явилась, очевидно, основной причиной нервного подросткового заболевания. 22 апреля 1813 года родители вынуждены были взять заболевшего мальчика из коллежа.

В конце 1814 года семья переезжает в Париж, где Оноре учится сперва в монархическом и католическом пансионе Лепитра, а затем в заведении Ганзе и Берелена. В 1816 году, по согласованию с родителями, он избирает профессию юриста и поступает в Парижскую Школу Права, одновременно подрабатывая в юридических конторах Гильоне де Мервиля и нотариуса Поссе. В 1819 г. он оканчивает Школу Права в звании «бакалавр права», и, поскольку уже к тому времени испытывает тягу к литературному творчеству, добивается у родственников права на литературные занятия в течение 2 лет с содержанием от семьи: за это время предполагалось написать драму или роман, которые бы прославили юного автора. Он снимает мансарду в Париже на улице Ледигьер и, посещая библиотеку Арсенала, принимается за работу.

Первое произведение, драма в классицистическом духе под названием «Кромвель», на семейном совете одобрено не было, однако Бальзак продолжил работу. За это время в содружестве с писателем-дельцом Л'Эгревилем он написал несколько романов в «готиче-

ской» манере, очень модной в те годы (первый издательский договор датируется 22 января 1822 года). Эти романы, обеспечивавшие в известной мере литературный заработок, были, однако, подражательны и подписаны псевдонимами: лорд Р'Оон, Орас де Сент-Обен. 9 июня 1821 года Бальзак знакомится с матерью большого семейства Лаурой де Берни (1777—1836), которая становится его возлюбленной на долгие годы. Серединой 20-х годов отмечено знакомство с художниками Анри Монье (1805—1877) и Ахиллом Девериа, журналистом и издателем А. Латушем, которые также становятся его друзьями на многие годы. Завязываются связи с редакциями парижских газет – «Коммерс», «Кормчий», «Корсар» и др., где печатаются его первые очерки, статьи и романы.

Летом 1825 года Бальзак совместно с Канелем занимается деятельностью по изданию полного собрания сочинений Мольера и Лафонтена, затем покупает типографию на улице Марэ-Сен-Жермен и, наконец, словолитню. Все эти предприятия, как и производство романов на потребу публике, были призваны, по мысли Бальзака, обогатить его, составить быстро и честно круглую сумму капитала. Однако ничего, кроме долгов, предпринимательство не принесло.

В 1826 году у своей сестры Лауры Сюрвиль Бальзак знакомится с ее подругой Зюльмой Карро (1796—1889), женой артиллерийского капитана, дружба и оживленная переписка с которой будут многое значить в его судьбе. Эти шаги, творческие и предпринимательские, обеспечили Бальзаку некоторую известность в литературном мире Парижа, привлекли к нему, как к издателю, авторов, жаждущих печататься (в частности, он познакомился с Альфредом де Виньи и Виктором Гюго).

Ликвидировав дело, Бальзак переезжает на улицу Кассини, дом 1 и, обогатившись опытом, решает вновь заняться романистикой – уже на трезво-практической основе. С целью сбора материалов для романа «Последний шуан, или Бретань в 1800 году» («Шуаны») осенью 1828 года он отправляется к другу отца, генералу Поммерейлю в провинцию Бретань. В следующем году роман был опубликован, подписан уже подлинным именем – Бальзак и оказался первым произведением, принесшим ему широкую известность. Осенью 1829 года были опубликованы первые повести и рассказы под общей рубрикой «Сцены частной жизни», хотя замысел «Человеческой комедии» с разбивкой на «Этюды» и «Сцены» сформировался несколько позже. Бальзак посещает литературные салоны, в частности салон Софии Гэ и салон Шарля Нодье, хранителя библиотеки Арсенала, присутствует на чтении драмы В. Гюго «Марион Делорм» и на первом представлении его «Эрнани». Со многими романтиками – Виньи, Мюссе, Барбье, Дюма, Делакура – он дружен, однако в статьях и обзорах неизменно их вышучивает за неправдоподобие положений и эстетические пристрастия. В 1830 году он сближается с художником Гаварни (1804—1866), который впоследствии станет одним из иллюстраторов первого издания «Человеческой комедии».

Уже в том же году «Сцены частной жизни» выходят в двух томах, а летом Бальзак совершает путешествие по французским городам и провинциям в обществе мадам де Берни. К тому времени относится знакомство с Ф. Стендалем. Позже Бальзак счел возможным поддержать этого писателя, разобрав в своей статье «Этюд о Бейле» его роман «Пармская обитель» и указав близорукой парижской публике на этого гениального человека, творчество которого упорно замалчивалось.

В начале 30-х Бальзак принимается за написание «Озорных рассказов», которые предполагалось издавать 10 под одной обложкой ежегодно. К этому времени относится написание

таких произведений, как «Проклятое дитя», «Красная гостиница», «Мэтр Корнелиус», «Неведомый шедевр», «Шагреновая кожа», «Тридцатилетняя женщина», знакомство с Жорж Санд, с которой Бальзака будут связывать взаимные приятельские уважительные отношения. С этих пор Бальзак станет часто гостить в имении Саше, в родной Турени, у своего приятеля Маргонна, где будут написаны многие прекрасные страницы.

28 февраля 1832 г. Бальзак получает первое письмо от Незнакомки – польской аристократки Эвелины Ганской, владелицы обширных поместий в Киевской губернии, которая «путем взаимной переписки» и встреч в конце его жизни станет его женой. Пока, однако, она лишь заинтересована дать о себе знать европейски известному писателю, что порождено, скорее всего, тщеславием ясновельможной пани. У Бальзака в те годы появилось уже много читателей и поклонниц, он получал множество писем, его принимали в аристократических салонах Парижа и провинции. На эти годы приходится увлечение маркизой де Кастри, у которой он гостит в ее имении в Эксе (Савоя). Эвелине Ганской посвящены романы «Серафита», «Модеста Миньон», «Феррагус», «Сельский врач». Первое свидание с Ганской, бывшей в ту пору замужем, состоялось 22 сентября в Швейцарии, в городке Невшатель. К этому времени относятся первые русскоязычные переводы Бальзака: роман «Шагреновая кожа» в «Северном архиве» и в «Сыне отечества».

В 1834 году через Гектора Берлиоза Бальзак знакомится с Генрихом Гейне. Бальзак уже имел в голове хорошо разработанный план «Человеческой комедии» с ее подразделениями на «Этюды»: «Этюды о нравах», «Философские этюды», «Аналитические этюды». Однако сколько бы он ни писал, как бы ни переутомлялся от работы, ему никак не удастся избавиться от долгов; так что, спасаясь от кредиторов, он переезжает в пригород Батай, где тайно, на чужое имя, снимает квартиру. В 1835 году он совершает поездку в Вену для тайного свидания с Ганской, а в конце года покупает акции парижской газеты «Кроник де Пари» и приглашает на работу в ней Теофиля Готье (1811—1872). На следующий год за отказ состоять в Национальной гвардии его на несколько дней сажают в тюрьму. Он ведет судебный процесс с издателем «Ревю де Пари», которому задолжал роман (деньги проедены). Летом 1836 года его газета ликвидируется, а сам издатель и чуть ли не единственный автор уезжает в Италию. Бальзак испытывает постоянные недомогания в связи с усиленной работой, и его новая знакомая графиня Гвидобони-Висконти, англичанка, организует ему эту поездку по своим наследственным делам. На следующий год была совершена и вторая поездка в Италию, где его хорошо встречали и где он познакомился с Сильвио Пеллико и А. Мандзони.

В 1837 г. Бальзак покупает имение Жарди близ г. Севр, устройство которого ему, однако, так и не удалось завершить (имение было продано, послужив причиной многих шуток друзей-литераторов и их тайного недоброжелательства). Зимой 1838 г. Бальзак посещает Ж. Санд и ее поместье в Ножане, а весной совершает тяжелое путешествие на остров Сардинию, где ему не терпелось затеять дело по разработке серебряных рудников, заброшенных еще со времен римского владычества. Все эти годы Бальзак не перестает работать, однако обогащения или сколько-нибудь устойчивого быта он лишен, живя из милости у богатых друзей. С целью заработать сколько-нибудь денег, он начинает писать для театра, но, несмотря на дружбу с Ф. Леметром и некоторые удачные сцены, лавров драматурга и сборов ему также не удастся добиться; некоторые его пьесы, в частности «Школа супружества», впервые опубликованы и поставлены лишь в XX веке. Из видных русских деятелей искусства Бальзак знакомится с А. И. Тургеневым и С. П. Шевыревым, профессором Московского университета, – по их инициативе.

Будучи широко известным во Франции и за ее пределами, Бальзак дважды выставлял свою кандидатуру во Французскую Академию, однако в первый раз он отозвал заявку в связи с тем, что на то же место претендовал В. Гюго, а позже был забаллотирован (вероятно, как бессемейный человек и несостоятельный должник с весьма неустойчивыми доходами) в пользу герцога де Ноая. Его общественная деятельность была связана с публицистическими выступлениями в парижской периодике и с Обществом литераторов.

В 1842 г. вышел в свет 16-томник, собравший большинство написанных к тому времени произведений «Человеческой комедии». Скульптор Давид д'Анже лепит мраморный бюст писателя. К тому времени от неумеренного потребления кофе у Бальзака обнаруживаются первые признаки болезни сердца, его постоянно мучают головные боли.

18 июля 1843 года Бальзак уезжает в Россию из порта Дюнкерк на пароходе «Девоншир». В Петербурге он живет на Большой Миллионной, за ним установлен негласный надзор. Монархические круги не прочь использовать его с тем, чтобы он открыто, в печати, выступил против маркиза де Кюстина, французского писателя, который после посещения России опубликовал талантливый памфлет. В связи со своими матримониальными интересами Бальзак вынужден проявлять лояльность в отношении русского императора. Он чувствует себя совершенно больным. В 1844 году, по возвращении в Париж, у него обнаруживается болезнь печени. В этом году умер старший друг Бальзака – Шарль Нодье. В России, в журнале «Репертуар и Пантеон» публикуется перевод «Евгений Гранде», выполненный Ф. М. Достоевским.

Весной и летом, немного оправившись, Бальзак совершает поездку по городам Германии совместно с семейством Э. Ганской. 1 мая он удостоен ордена Почетного Легиона. С этого времени свидания с Ганской становятся частыми и продолжительными; по сути, это брак втроем, длившийся вплоть до смерти Венцеслава Ганского. В 1846 году Бальзак покупает дом на улице Фортюне, 12 (ныне улица Бальзака), который благоустраивает с расчетом будущего супружества. Однако живет там во время международных скитаний сына его матушка. Давний друг Бальзака писатель Ипполит Кастиль публикует капитальную статью о его творчестве – «Господин Оноре де Бальзак».

1847 годом датируется последняя рукопись Бальзака – «Изнанка современной истории». Весь этот год писатель путешествует по Рейну с Э. Ганской, а в сентябре через Брюссель – Краков – Бердичев отправляется в ее поместье Верховню, где проживает вплоть до февраля 1848 г. В феврале в Париже, сразу после приезда туда Бальзака, происходит буржуазная революция: народ овладел дворцом Тюильри, Луи-Филипп обратился в бегство. Летом буржуазная революция завершилась рабочим восстанием, которое было подавлено генералом Кавеньяком. Бальзак, будучи больным, почти не принимал участия в этих событиях, хотя баллотировался в депутаты Национального собрания. Век его излюбленных аристократов прошел, свои законы диктовала уже даже не буржуазия, а рабочие, ремесленники и мелкие торговцы. Осенью 1848 года он вновь уезжает в Верховню и там проводит весь следующий год уже в качестве законного жениха. Киевские власти и семья Ганской пытаются его развлечь, однако чувствует себя он весьма плохо: у него обнаруживается гипертрофия сердца, рвота, одышка, слабеет зрение. Весь год он слоняется без дела в огромной усадьбе, ничего не пишет. 14 марта в 7 часов утра в Бердичеве состоялось его венчание с Эвелиной Ганской. В конце апреля – в мае супруги предпринимают совместное путешествие в Париж. Поездка продолжается целый месяц.

Добравшись до своего супружеского «гнездышка» в Париже на улице Фортюне, Бальзак уже не покидает его. 20 июня Теофиль Готье получает от него письмо, написанное рукой Э.

Ганской: «Я не могу ни читать, ни писать». 11 июля у него открылся перитонит, в августе он страдает водянкой, 17 августа началась гангрена ноги. 18 августа в 9 часов вечера умирающего писателя посещает Виктор Гюго. Через два с половиной часа, в 11.30 вечера, Бальзак скончался.

Похороны состоялись 21 августа на кладбище Пер-Лашез. Гроб сопровождали В. Гюго, Г. Курбе, Г. Берлиоз, А. Дюма, Давид д'Анже, А. Монье, Ф. Леметр, Ш. Сент-Бев и другие, был русский поверенный в делах. Прощальную речь произнес Виктор Гюго, в своем обычном, чуть выпрленном стиле: «Господин де Бальзак был одним из первых среди великих, одним из лучших среди избранных /.../ Сам того не зная, хотел он того или нет, согласился бы он с этим или нет, – автор этого огромного и причудливого творения был из могучей породы писателей-революционеров».

Бальзак явил пример беззаветного служения литературе. Его работоспособность поражала современников и продолжает удивлять нас. Всего в составе «Человеческой комедии» им было задумано 143 произведения, написано 95. Помимо этого основного состава мы имеем несколько ранних романов, большое количество рассказов, пьес, очерков, статей, обширное эпистолярное наследие. Эта непрерывная работа подорвала его силы, лишила многих простых радостей жизни, но она же принесла ему славу величайшего французского романиста.

Ранние произведения

Пользуясь сравнительным методом и сопоставляя западноевропейские литературы и русскую, беспрестанно удивляешься одному обстоятельству: все западные художники, даже самые гениальные, были соразмерны своей эпохе и достаточно публиковались при жизни, в то время как многие русские и, в особенности, советские писатели «опережали время», публиковались с трудом и признания при жизни не заслужили. Приходится только удивляться, почему это так, а не иначе, почему только надломленный русский писатель устаивается, наконец, признания, а то и умирает, имея в ящике письменного стола неопубликованные произведения? Тайна сия велика есть и подразумевает разницу в общественном статусе художника западного и российского. Российский, как правило, пророк и с ним обходятся, как должно толпе обходиться с пророком, а западный всего-навсего производитель. И если его произведения хороши, то и сам производитель не остается внакладе.

Диву даешься, сколько романов написал юноша Бальзак, прежде чем на него обратили, наконец, внимание, но еще удивительнее, что все его вещи подавались с жару и с пылу, как свежие пирожки булочника, и – что уж совсем невероятно – оплачивались. Они не лежали в столе, дожидаясь смерти автора, а издавались типографским способом, чтобы юноша-писатель, увидев свою «пачкотню» (выражение Бальзака об одном из своих романов), мог переосмыслить свои достоинства.

До «Шуанов», открывавших «Человеческую комедию», Бальзак написал трагедию «Кромвель», романы «Наследник Пирагского замка», «Жан-Луи», «Клотильда Лузиньянская», «Арденнский викарий», «Последняя фея», «Старик», «Ван-Хлор, или бледноликая Джен». В своем развитии он точно проиллюстрировал дарвиновскую теорию естественного отбора, согласно которой человек в своем развитии проходит примерно те же стадии, что и общество, в котором он родился. В самом деле, что такое драма «Кромвель», как не попятное движение, уроки классицизма? А о том, что он был прилежным учеником классицизма, свидетельствует одно из его писем к сестре: «Кребильон меня обнадеживает, Вольтер пугает, Корнель приводит в восторг, а Расин заставляет бросать перо». Из этой последней жалобы следует, что все двадцатые годы прошли под знаком подражательства авторитетам. Начав как классицист, он затем переметнулся в стан «черного романа» и «Удольфских тайн», а с середины десятилетия прочно эпигонствовал Вальтер Скотту, от которого был в неизбывном восторге. Мысль, высказанная опять-таки в письме к сестре Лоре, о том, что он пишет ради денег (и впрямь: за первый роман он получил 800 ливров, за последующие – от полутора до двух тысяч!) – эта мысль не что иное, как попытка юного таланта быть полезным, р а б о т а т ь в той сфере, какую он избрал. Он очень хорошо сознает, что он не гений, и томится по большому прикосновению к существу жизни. «Я ежедневно благословляю счастливую независимость профессии, которую я избрал себе /.../ Если бы я был спокоен относительно своего материального положения, я стал бы работать над серьезными вещами», – пишет он в 1822 году.

В самом деле: его ранняя проза несет на себе печать сразу всех существовавших тогда направлений: классицистического романа Дидро и Вольтера, сентиментализма Ричардсона, Стерна и Руссо, «готического романа ужасов и тайн» мадам Анны Рэдклиф, просветительских исследований У. Годвина и «Векфильдского священника» и, наконец, романтизма Вальтер Скотта. «Нерадивый ученик» Вандомского коллежа братьев-ораторианцев читал так много и бессистемно, что заболел и вынужден был пожить некоторое время с родителями для успокоения нервов

Предисловие к «Человеческой комедии», «Дом кошки, играющей в мяч», «Вендетта», «Побочная семья», «Покинутая женщина»

Предисловие к «Человеческой комедии» написано Бальзаком много позже, чем следующие за ним ранние произведения, – в 1842 году, тогда как вышеозначенные рассказы относятся к 1830—1832 году, и только «Побочная семья» дописывалась в том же 1842, в год первого издания «Человеческой комедии», предпринятого издательством «Фюрн». Считается, что само название возникло как бы в оппозиции к «Божественной комедии» Данте Алигьери.

В предисловии Бальзак указывает, что его «Этюды о нравах» состоят из шести разделов: первый – «Сцены частной жизни», второй – «Сцены провинциальной жизни», третий – «Сцены парижской жизни», четвертый – «Сцены военной жизни», пятый – «Сцены политической жизни» и, наконец, шестой – «Сцены сельской жизни».

В замысле «Человеческой комедии» активную роль сыграло учение философов-естествоиспытателей Кювье и Сент-Илера, которые сопоставляли человека и животных в силу их органического единства. Похоже, не обошлось и без влияния скандально известного философа Ламетри, автора трактатов «Человек-машина», «Человек-растение», сводившего функции человека к простому биологизму. (Правда, заметим в скобках, делалось это в свое время в пику религии, жупелу всех просветителей). Как бы там ни было, Бальзак в предисловии пишет следующую замечательную фразу: «Различие между солдатом, рабочим, чиновником, адвокатом, бездельником, ученым, государственным деятелем, торговцем, моряком, поэтом, бедняком, священником так же значительно, хотя и труднее уловимо, как и то, что отличает друг от друга волка, льва, осла, ворона, акулу, тюленя, овцу и т. д.»

В семье к Эвелине Ганской 26 октября 1834 года Бальзак так излагает общий замысел «Человеческой комедии»:

«Фундамент «Человеческой комедии» – «Этюды нравов» – изобразят все социальные явления, так что ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один характер, мужской или женский, ни один уклад жизни, ни одна профессия, ни один из слоев общества, ни одна французская провинция, ничто из того, что относится к детству, старости, зрелому возрасту, к политике, правосудию, войне, не будет забыто.

Тогда последует второй ярус – «Философские этюды», ибо после следствия надо показать причины: в «Этюдах нравов» я изобразю чувства и их игру, жизнь и ее движения. В «Философских этюдах» я вскрою причину чувств, основу жизни, каковы пределы, каковы условия, вне которых не могут существовать ни общество, ни человек; и после того как я обозрею общество, чтобы его описать, я займусь его обозрением, чтобы вынести ему приговор.

Позднее, после следствия и причин, придет черед «Аналитическим этюдам (частью которых является „Физиология брака“), ибо после следствий и причин должны быть определены начала вещей. Нравы – это спектакль, причины – это кулисы и механизм сцены. Начала – это автор, но по мере того, как произведение достигает вершин мысли, оно, словно спираль, сжимается и уплотняется. Если для этюдов нравов потребуются двадцать четыре тома, для „Философских этюдов“ нужно будет всего пятнадцать, а для „Аналитических этюдов“ – лишь девять.

Таким образом, человек, общество, человечество будут без повторений описаны, призваны на суд, исследованы в произведении, которое будет подобно „Тысяче и одной ночи“ Запада».

Из этого письма вытекает со всей очевидностью, что Бальзак уже в 1834 году знал, чего он хочет. Его сверхзадача поражает своей масштабностью даже для той эпохи, в которой жили и творили такие плодovитые французские авторы, как Дюма-отец и Золя.

С годами Бальзак серьезнел и умнел; его путь – от подражания классицистам и романтикам, через бульварные романы и произведения, созданные единственно ради заработка, под которыми подчас он даже не ставил своего имени, – неизбежно приводил к системе, к циклу, к систематизации достигнутого и планам на будущее. Эти планы достойны гения, каковым, очевидно, Бальзак себя и считал не без основания. Срез человечества дается предпочтительно на материале Франции, но Франция – это человечество в миниатюре, это центр цивилизации, в нем заключено все, что есть интересного в мире, подобно тому, как в скорлупе заключен орех.

На примере жизни и творчества Бальзака можно проследить, что такое художественное творчество вообще. Это, в первую очередь, труд и самоорганизация. Этот Прометей слова как бы последовательно сбрасывал узкие и ветхие одежды ученичества, являясь всякий раз в обнове оригинальности, силы и мощи. Его потенциал был неисчерпаем. Было похоже на то, что жизнь и творчество у него неразделимы, потому что каждое произведение, каждая страница, каждая, пусть на потребу и на съедение кредиторам написанная новелла, последовательно изживали, творчески преобразовывали день, в который они были созданы. А если представить себе, что работа шла днем и ночью, то можно себе представить, какая требовалась духовная и телесная мощь от автора. Даже Дюма-отец, написавший немислимое количество романов, имел многочисленных секретарей и помощников, соавторов и подсказчиков, Бальзак же в основном создавал свои вещи сам и прибегал к соавторству лишь в начальный период.

Беда, однако, в том, что при такой сверхзадаче выход и итог мыслился один – сжечь себя без остатка, подобно Прометею, как определил это Стефан Цвейг; таким образом замысленная и расписанная жизнь могла реализоваться лишь за счет бесконечного самопожертвования, при которой сам автор сознательно отказывается от простых человеческих радостей – семьи, буржуазного достатка, незапланированного общения с природой и симпатичными людьми. Все шло как раз по тому сценарию, при котором жизнь сгорала огромным костром на ветру XIX столетия. Читатель-роялист, читатель-буржуа, читатель-пролетарий, читатель-крестьянин требовали все новых и новых жертв, и у Бальзака хватало топлива, чтобы поддерживать горение высоко и мощно. Не стоит думать, что это был социальный заказ, как сказали бы в России в семидесятих годах XX века. Нет, это было и жизнью – жизнью человека, которому «дано с избытком», как говорится в Св. Писании. Бальзака ориентировала не только французская читающая публика. У него была и самоцель. Недаром же в его кабинете стояла статуэтка Наполеона (того самого, завоевателя) с надписью рукой Бальзака: «То, чего он не смог завершить мечом, я осуществлю пером». Таким образом, сам автор ставил задачу завоевания всего мира. Отличие гения от графомана, вероятно, в том и состоит, что гений справляется с заданием, достигает цели, какой бы грандиозной она не выглядела, он держит ситуацию под контролем, тогда как графоман не в состоянии даже приблизиться к уяснению собственных целей. При всей грандиозности цель Бальзака, в сущности, проста и ясна, а после примера Наполеона Бонапарта уже и просто реальна. Вспомним, что и натуральная школа немного позднее в лице «Ругон-Маккаров» Эмиля Золя дала превосходный образец физиологической систематизации, причем автор этого цикла романов еще заземленнее, еще биологичнее, нежели Бальзак.

Надо учесть, что вдохновение не было постоянным спутником писателя. Годом позже, в 1835, когда он ненадолго ездил в Вену, чтобы повидаться с давней своей приятельницей и исповедницей Э. Ганской, он жаловался: «Моя жизнь состоит из одного монотонного труда, который разнообразится опять-таки трудом».

Если Бюффон так красочно и со знанием дела живописал природу, почему бы не сделать того же самого в отношении общества, спрашивает Бальзак. «Самим историком должно было оказаться французское общество, мне оставалось только быть его секретарем».

За те десять с лишним лет, что печатались ингредиенты «Человеческой комедии», каждое на особицу, Бальзак успел получить множество упреков в безнравственности своих произведений, их чрезмерной наукообразности, мистицизме и т. д. Защищаясь в этом предисловии от упреков в безнравственности, Бальзак ссылается на пример Христа и Сократа, которых тоже в их время обвиняли в зазнайстве и в о т с у т с т в и и п о л н о м о ч и й для того, чтобы судить других людей. Ориентация писателя на двух величайших пророков древности сама по себе замечательна. Конечно, она отдает хвастовством и зазнайством, как многое другое в творчестве и личности писателя, однако мы должны понять, что в какой-то мере эти качества входят в состав собственно национального характера французов. Такие «заявки» и гигантоманские закидоны идут у Бальзака от избытка силы, от бурного гражданского темперамента, от того качества французов, которое так замечательно воплотилось в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Франсуа Рабле, в «Тартарене из Тарраскона» Альфонса Доде, в героях Дюма отца и Ромена Роллана.

Поскольку, говорит Бальзак, в его Комедии изображены тысячи персонажей, он вынужден был разбить ее на «Этюды», а «Этюды», в свою очередь, на «Сцены». Мимоходом он укоряет Жорж Санд за то, что она собиралась написать предисловие к собранным здесь произведениям, да так и не собралась, и ему приходится делать это самому.

Уже в первом произведении, включенном в «Человеческую комедию», в «Этюд о нравах», Бальзак предстает перед нами как канонический писатель реализма – критического реализма. В рассказе «Дом кошки, играющей в мяч» все строится по законам реализма: дана обширная экспозиция, в которой обозреваются время и место действия, даны портреты действующих лиц. Это похоже на ценности, провозглашенные Буало, с той, однако, разницей, что они применены к эпическому, повествовательному жанру. В рассказе есть все: хорошо выдержанное вступление, завязка действия и его развитие, кульминация, развязка. Суконщик Гильом имеет двух дочерей на выданье – двадцативосьмилетнюю Виргинию и восемнадцатилетнюю Августину. Он не прочь выдать перезрелую дылду Виргинию за самого толкового своего приказчика Леба, однако тому по сердцу младшая из дочерей, крошка Августина. Но вот на сцене появляется модный, молодой и красивый художник Теодор Сомервье, и роли окончательно разобраны: красота и искусство должны породниться, равно как и другая пара – полные семейных добродетелей и деловых качеств Леба и Виргиния. Так оно и случается ко взаимному удовольствию: Гильом берет своего приказчика в долю, и обе пары счастливых молодоженов венчаются одновременно. С этого момента люди дела отходят на задний план, а люди искусства выдвигаются на первый.

Дело в том, что после рождения ребенка Сомервье охладевает к жене. Бедняжка Августина, чтобы спасти семью, советуется с отцом и матерью, со старшей сестрой и зятем и даже, подобно сказочной наивной дурочке, перед которой открываются все тайные врата, идет к своей сопернице-герцогине, чтобы узнать, чем же таким особенным прельстился ее супруг. Неназойливо в сознание читателя внедряется мораль: «одаренный человек зачастую делает

свою жену несчастной». Герцогиня учит ее властвовать мужем, совсем как Онегин – Татьяну. Наивная, одушевленная и очень смышленная юная Августина – самый симпатичный образ произведения. Узнав об этом визите, Теодор Сомервье приходит в ярость, однако герцогиня, самоустранившись, вынуждает его заняться собственной женой, оценить ее достоинства и ее любовь. Дом, над порталом которого изображена кошка, играющая в мяч, – это и есть истинное прибежище для простых сердец. Действительно: частная жизнь, случай из самой что ни на есть частной жизни.

И все-таки последовательным реалистом Бальзак не был и в тридцать лет. Во всяком случае, в выборе сюжетов. Потому что сюжет рассказа «Вендетта», его герои, художественные приемы, исполнение – все пронизано романтизмом. Что ни говори, а в 1830 году романтизм был сильнейшим движением в западноевропейской и русской литературе. Такой сюжет, с такими страстями и исключительными по воздействию персонажами мог выбрать Стендаль, уделявший столько внимания пылким итальянцам, но никак не Бальзак. Но мы имеем то, что имеем: романтический рассказ о роковых страстях и возвышенных душах.

Кратко суть дела в следующем: корсиканец Бартоломео, учинив кровавую вендетту над родом Порта, приходит к императору Наполеону и его брату Люсьену и искупает грех, нанявшись в ряды доблестной завоевательной армии. Проходит 10 лет, и в 1815 году, когда кончатся Сто дней императора Наполеона и начинается преследование бонапартистов, его дочь Джиневра Пьомбо, которая занимается в школе живописи Сервена, знакомится там с раненым офицером Луиджи. Старый Бартоломео, сам некогда наполеоновский фаворит, тем не менее, решительно против союза дочери с опальным юношей. Особенно когда узнает, что он из тех самых Порта, которых он когда-то истребил. Джиневра, девушка-кремень, идет против воли отца, полюбив врага своей семьи. Старый Бартоломео просто-напросто недосмотрел, позволив чувству дочери угнездиться глубоко. В противостоянии жарких итальянских страстей добром дело не кончится. И действительно: отец пытается убить дочь, а когда это ему не удастся, отрекается от нее. Молодые венчаются, но тут-то, когда доблестный офицер вынужден заниматься перепиской казенных бумаг, а Джиневра становится художницей, работающей на заказ, и обнаруживается губительный разрыв между идеалом и действительностью, между идеальной любовью и действительными тисками нищеты. Жестокий старик так и не простил свою дочь. Он допускает, чтобы с голоду умер их ребенок, а потом и она сама. Еще бы: его вендетта не кончилась, она обратилась теперь на этого негодяя Луиджи и на тех, кто с ним породнился вопреки его воле. После ребенка с голоду умирает и мать. Теодор приносит тестю косу его дочери и умирает сам. Так завершается эта трагическая история.

Нужно отметить, что романтизм Бальзака, отразившийся впоследствии в его философских романах «Шагреновая кожа» и «Поиски абсолюта», посвященных людям искусства и науки, весьма своеобразен. Этот романтизм имеет хорошее укоренение в реальной почве. В этом раннем рассказе уже намечено то противоречие между абсолютом человеческих притязаний и ничтожностью его воплощения в действительности. В образе художницы, которую сгубила ее пылкая страсть, нет-нет, да и мелькнет тень Рафаэля Валентэна из «Шагреновой кожи» или ученого Клааса, одержимого своими учеными изысканиями.

Рассказ «Побочная семья» (другое название – «Добродетельная женщина») также написан в основном в 1830 году. Этот и три последующих года были особенно урожайными в творчестве Бальзака. Условно его можно разделить на две части, с эпилогом, написанным в 1842 году. Первая часть выдержана в духе высокого романтизма. Бедная девушка-бесприданница Каролина Крошар, проживающая на сырой и темной улице Турнике-Сен-Жан под

присмотром старушки-матери, занята вышиванием. Они с матерью бедны и добродетельны, все их развлечение сводится к наблюдению из окна за уличными прохожими. «Черный господин» по имени Роже мало-помалу неприметно влюбляется в эту чудесную девушку и начинает ей материально помогать, подбрасывает даже кошелек, чтобы помочь расплатиться с домовладельцем за наем квартиры. Все это похоже вначале по тональности и колориту на «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, особенно когда Роже, заботливо опекая девушку, учит ее развлекаться, танцевать, снимает для нее квартирку в центре города, которую любящие сердца превращают постепенно в уютный уголок Гименея. Через шесть лет здесь уже подрастают мальчуган и девочка, а счастливая Каролина Крошар, которая не ведет светского образа жизни, за все это время так ничего и не узнала о своем Роже. И только ее мать, госпожа Крошар, поверяет перед смертью фамилию соблазнителя дочери суровому священнику Фонтенону.

Из второй части рассказа, после сюжетной ретардации, мы узнаем, что Роже в момент знакомства с Каролиной уже был женат на богачке и подруге детства Анжелике Бонтон. Вот такой вот двоеженец. Однако Бальзак не собирается осуждать героя. Напротив, оказывается, что найденный им выход самый что ни на есть логичный, потому что Анжелика – дама излишне религиозная, затворница, постница, водится с попами и даже пишет письмо папе в Ватикан, чтобы узнать из первых уст, «может ли жена декольтироваться, посещать балы и театры, не погубив души». Понятно, что семейная жизнь со святошей не проста, вот почему Роже в конце концов обзавелся побочной семьей, где он счастлив не по обязанности. Союз высококордной святоши с чиновником судебного ведомства оказался несчастливым. Духовник Фонтенон, которому старуха Крошар перед смертью выбалтывает имя соблазнителя, доносит Анжелике на мужа. Дело заканчивается тем, что Роже остается без обеих семей, седым и несчастным, потому что Каролина в свой черед удрала к более молодому любовнику.

Пафос рассказа в его антиклерикализме. Отношения Бальзака с церковью никогда не были простыми, даже в те времена, когда он в угоду монархическим особам заделался легитимистом и пел под сурдинку аристократов. В этом смысле он был преемником французских просветителей.

«Провинциальная муза»

И все-таки в творчестве Бальзака есть черта, которую нельзя назвать плодотворной, – утомительное многословие. У Бальзака-то она извинительна и идет отчасти от переполнявшей его информации, отчасти от спешки, потому что написанное им тотчас шло в набор и в оплату денежных долгов, отчасти как атавистический рудимент тех лет, когда он на потребу публике один за другим писал «черные романы» в надежде заработать деньги и упрочить свое положение. Но именно эта черта – многословие – дурным образом отразилась в концепции «социалистического реализма», как она была создана советскими литературоведами. Такие писатели, как М. Горький послереволюционных лет, К. Федин, Л. Леонов, Ф. Панферов, Ф. Гладков, а во Франции А. Барбюс и Р. Роллан мало-помалу стали считать его своим предтечей. «Социалистический реализм» естественным образом выводился из критического, самой опорной фигурой которого и явился Оноре де Бальзак. В оценках стало принято ссылаться на А. Франса, В. Белинского и М. Горького. Цитируем и мы этих троих. Анатолий Франс писал: «Прозорливый историк общества своего времени, он вскрывает все тайны лучше, чем кто-либо другой, он поясняет нам переход от старого режима к новому». В. Г. Белинский обращал внимание российских читателей на многообразие человеческих лиц в произведениях Бальзака: «как много написал этот человек, и несмотря на то, есть ли в его повестях хотя один характер, хотя одно лицо, которое бы сколько-нибудь походило на другое». М. Горький отмечал: «Книги Бальзака наиболее дороги мне той любовью к людям, тем чудесным знанием жизни, которые с великой силой и радостью я всегда ощущал в его творчестве».

Однако пустословие и отдельные самоповторы в некоторых произведениях Бальзака имеют совсем иную основу (избыток сил, спешка, способность работать одновременно над несколькими произведениями, не прибегая к услугам секретаря), а главное, совсем другую природу, чем пустословие, скажем, «Брусков» или «Хождения по мукам». Бальзака настолько распирает содержание жизни, замыслы, образы, мысли, что он просто-напросто не успевает их выговорить; слова громоздятся сверх содержания, навалом, подавляют его; Бальзак в силу горячего темперамента не успевает договориться иногда до сути проблемы, в то время как многоречивость столпов соцреализма призвана, прежде всего, драпировать бессодержательность, беззубость, отсутствие яркой мысли или сильного образа. Слово у Гладкова или К. Симонова зачастую скользит по поверхности смысла. Боязнь определенно высказаться – вот что, прежде всего, объясняет колоссальные объемы многотомных эпопей социалистического реализма. У Бальзака совсем иное. Как постоянно дрейфующие льдины, отдельные части его «Человеческой комедии» не вполне притерты, далековато расходятся или, напротив, громоздятся торосами, напирают друг на друга. Надо всегда иметь в виду, рассматривая «Человеческую комедию», что она вызревала в течение десятилетия, и сам замысел ее возник уже в процессе работы над ней. Надо принимать также во внимание, что это грандиозное архитектурное сооружение, это сооружение гиганта не было завершено: оно так и осталось, вроде Колизея, – с провалами и оползнями по отдельным местам.

Роман «Провинциальная муза», заверченный в 1844 году, – из тех, которые не относятся к вершинным достижениям автора. И, однако, он добротен и вполне отвечает задачам изображения «провинциальной» жизни.

Самые длительные и прочные отношения Бальзак имел только с замужними женщинами, и в романе отразилась одна из таких связей – со славной и умной Зельмой Карро, ставшей его другом на долгие годы. Красавица и умница Дина Пьедефер переположила провинциаль-

ный город Сенсер независимым поведением, собранием предметов искусства и состоятельным муженьком-карликом, де ля Бодре, который на первых порах занят исключительно своим поместьем и который на 27 лет старше супруги. Вокруг Дины тотчас собирается провинциальная знать, а также два местных уроженца, жители Парижа, – журналист Лусто и медик Орас Бьяншон, фигурирующие также и в других романах Бальзака. Вокруг этих героев и завязываются тонкие, хорошо психологически мотивированные взаимоотношения. Барон де ля Бодре все никак не умирает, чтобы развязать руки любящим Дине и Лусто, напротив – здоровеет и метит в пэры Франции, так что журналист, одержимый, как мы знаем из биографии, собственными бальзаковскими маниями (жениться на богатой и благородной аристократке), в конце концов отступает, решившись на брак по расчету на мадемуазель Кардо. Прослышав об этом, Дина приезжает из Сенсера в Париж, и тут начинается их счастливая жизнь, которую отравляют, с одной стороны, невеста Лусто и муж Дины, а с другой – воздыхатель Дины прокурор Кланьи. Взаимоотношения заканчиваются тем, что Лусто, погнавшийся за двумя зайцами, за двумя химерами, разорен и нищенствует, а Дина, вечная провинциалка, возвращается благоразумно к мужу. Так заканчивается роман провинциальной музы и столичного журналиста. «Не существует больших талантов без большой воли, – резюмирует автор, наблюдая падение героя. – Эти две силы-близнецы необходимы для сооружения здания славы».

В «Провинциальной музы» действует тип женщины того возраста (между тридцатью и сорока), который впоследствии получит прозвание «бальзаковского». Бальзак уже настолько далек от тематики «черных», неистовых романов, писанных в молодости на заказ, что разрешает себе немного поиронизировать над ними в той сцене, где гости провинциального салона рассказывают друг другу «страшные истории».

Затхлая атмосфера провинциального города не способствует духовному развитию, губит даже незаурядные дарования, делает вывод писатель, прослеживая судьбу еще одной прекрасной «тридцатилетней женщины», Дины де ля Бодре. В атмосфере сплетен, взаимной слежки и доносов, праздности и скудных интересов хиреет даже возвышенное любовное чувство. Оно деградирует до элементарной борьбы за существование, когда каждый шаг определяется толщиной вашего кошелька. Добродетельных здесь упрекают в гордыне, а падших – в грехе. Дина была и той, и другой, ее опыт закончился ничем. Может быть, имеет смысл только одно – работать, добиваясь честолюбивых целей, как поступает неутомимый труженик и тщедушный здоровяк барон де ля Бодре.

«Беатриса»

В «Сценах частной жизни» («Scene de la vie privée») Бальзак достигает высокого мастерства в разработке чувственной темы. Персонажи его «частных» романов немногочисленны, и отношения героев строятся вокруг любовной интриги. Как он и заявлял в Предисловии к «Человеческой комедии», в статьях и письмах того периода, когда вызревал замысел, все силы писателя брошены на разработку чувственной стороны жизни и женских характеров. Отныне его, бальзаковских, женщин не спутаешь ни с какими другими: погружаясь в омут чувств, они раскрывают самые потаенные уголки своих сердец, становясь то мстительными, то жертвенными, то сдержанно хладнокровными, то безоглядно открытыми.

Это характерно и для трехчастного романа «Беатриса», написанного, видимо, не в один прием между 1838 и 1844 годом: все три части имеют четкие стилевые различия, ощутимо разнятся по тональности. Разработка любовной темы становится здесь до того утонченной, что местами напоминает плетение кружев, бисероплетение. Это похоже на дамское рукоделие. Впрочем, упоминая Жорж Санд, госпожу де Сталь и делая свою героиню Фелисите де Туш писательницей, работающей под псевдонимом Камилл Мопен, Бальзак и не скрывает, что собирается перещегоолять в утонченности упомянутых дам. Действительно, во Франции ко времени Бальзака была уже хорошо разработанная система любовного романа, и многие участки на этом поле обрабатывали пишущие дамы. Многие ссылки на знаменитый роман Бенжамена Констана «Адольф» также знаменательны. Герои здесь словно задались целью соперничать друг с другом по части самопожертвования. Это еще не та диалектика чувств, которой позже овладеет Лев Толстой, и не та плотность анализа, которая будет характерна для Флобера и Мопассана. Бальзак чаще всего применяет прямые характеристики и филигранные описания. Чего стоит один многостраничный портрет Фанни О'Брайен, матери Каллиста дю Геник, главного героя романа! Подробно, дотошно, со знанием дела описаны стан, плечи, грудь, шея, спина, глаза, белки глаз, кожа, зубы, веки. А если учесть, что это развернутое описание, сделанное со вкусом и художественным наслаждением, вскоре перетекает в столь же подробное описание другой героини, Фелисите, а чуть дальше и Беатрисы, то станет ясно, откуда у современников появился взгляд на Бальзака как знатока женской души. Женщины должны были быть очарованы таким вниманием к их переживаниям в любви. И это подтверждалось большим количеством писем от поклонниц, которые получал Бальзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.